Смирнов

ПОБЕДА КАДЕТОВ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН250
С628

№ 4809

Е. СМИРНОВЪ.

ЕН250
С628

ПОБѢДА КАДЕТОВЪ И ЛѢВЫЯ ПАРТІИ.

Ц. 5 коп.

Книгоиздательство
„Новый Міръ“.

ЕН 250
С 628

Е. СМИРНОВЪ.

ПОБѢДА КАДЕТОВЪ И ЛѢВЫЯ ПАРТІИ.

1 экз.

Книгоиздательство
„Новый Міръ".

М.
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕН250
С628
Р
Библиотека
Института Ленина
233648
Ч

Типо-литографія „Энергія“, Загородный, 17.

Побѣда кадетовъ и лѣвыя партіи.

Побѣда конституціонно-демократической партіи есть огромнѣйшей важности политическій фактъ, значеніе котораго трудно преувеличить. Съ нимъ обязаны считаться всѣ—и друзья, и противники этой партіи. И важна эта побѣда не столько съ точки зрѣнія ея непосредственнаго, чисто-парламентскаго значенія,—ибо парламентскаго режима у насъ еще нѣтъ, его еще только предстоитъ добыть,—сколько, какъ одинъ изъ этаповъ происходящей у насъ „освободительной" борьбы, какъ крупное проявленіе сложнаго процесса формированія общественнаго мнѣнія страны.

Побѣду кадетовъ мы меньше всего склонны оцѣнивать, какъ побѣду опредѣленной политической партіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Она намъ прежде всего представляется выраженіемъ мнѣнія, воли, протеста разнообразныхъ слоевъ населенія, которые, при дальнѣйшемъ развитіи нашей общественно-политической жизни, разбредутся по разнымъ партіямъ, но которые сейчасъ сплотились подъ общимъ знаменемъ демократическихъ свободъ. Главнымъ образомъ, по волѣ правительства, въ гораздо меньшей степени—подъ вліяніемъ бойкотистовъ, кадеты явились во время избирательной кампаніи единственной партіей, выступавшей противъ ненавистнаго всѣмъ режима, и все, что было революціоннаго и демократическаго въ странѣ и, въ то же время, не могло мириться съ политикой недѣланія, т. е. съ бойкотомъ, голосовало за кадетовъ. И нужно удивляться, что даже при такихъ условіяхъ Дума, по-

видимому, будетъ насчитывать нѣсколько десятковъ депутатовъ „лѣвѣе кадетовъ“.

Бойкотисты, тѣмъ самымъ, что они заняли принципіально ложную позицію, достигли, противъ своей воли, того, чего, съ ихъ же точки зрѣнія, больше всего нужно было избѣгать въ первой избирательной кампаніи. Эта кампанія, въ общемъ, несомнѣнно содѣйствовала затушевыванію классовыхъ интересовъ обще-демократическимъ знаменемъ кадетовъ. Отказъ бойкотистовъ отъ участія въ выборахъ былъ не больше, какъ едва замѣтнымъ жестомъ, не оказавшимъ почти никакого вліянія на самый ходъ избирательной кампаніи. Критика половинчатости кадетской программы и нерѣшительности ихъ тактики, критика, которую привѣтствовали на избирательныхъ собраніяхъ бурными аплодисментами, могла лишь въ томъ случаѣ быть плодотворной, если бы дѣйствіямъ кадетовъ были противопоставлены другія **д ѣ й с т в і я**. Но когда страстная рѣчь лѣваго оратора заканчивалась призывомъ къ недѣланію во имя болѣе „рѣшительныхъ“ дѣйствій, которыя должны были наступить въ болѣе или менѣе туманномъ будущемъ, избиратель голосовалъ за кадета, который звалъ его на политическое дѣйствіе сейчасъ, когда нужно было дать хоть какой-нибудь отпоръ обнаглѣвшему режиму. А побѣда единственной, участвовавшей въ выборахъ, оппозиціонной партіи представлялась—и была на самомъ дѣлѣ—наиболѣе сильнымъ отпоромъ, какой при данныхъ условіяхъ можно было этому режиму дать.

Бойкотисты, такимъ образомъ, не только не привлекли къ себѣ новыхъ сторонниковъ во время избирательной кампаніи, но постепенно теряли прежнихъ адептовъ. Быть можетъ, наиболѣе краснорѣчивымъ осужденіемъ ихъ тактики является тотъ фактъ, что во многихъ мѣстахъ рабочіе, которые на своихъ фабрикахъ осуществляли бойкотъ, голосовали въ качествѣ квартиронанимателей за кадетовъ.

Во всякомъ случаѣ, бойкотисты, добровольно устранившись съ арены общественно-политической борьбы, къ которой прикованы были взоры всей страны, и спрятавшись у себя въ подпольѣ, ушли вмѣстѣ съ тѣмъ съ поля зрѣнія общественнаго мнѣнія страны. Съ ними не считались, ихъ программой не интересовались и лишь кое-гдѣ учитывали ихъ роль въ будущемъ на основаніи того, что они дѣлали въ прошломъ. О „дѣйствіяхъ“ подполья,—если только дискуссіи за и противъ бойкота позволительно называть дѣйствіями,—доходили до страны лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія, и правительство Дурново-Витте со своей обычной гнусностью пользовалось этимъ и смѣшивало революціонное подполье съ разбойничьими притонами, публикуя въ правительственныхъ и продажныхъ газетахъ, подъ одной рубрикой „революціонное движеніе“, факты объ арестахъ рабочихъ с.-д., обсуждавшихъ вопросъ объ отношеніи къ думѣ или о своихъ профессіональныхъ нуждахъ, и разсказы о продѣлкахъ и „выступленіяхъ“ простыхъ воровъ и грабителей.

Отказавшись отъ дѣйствія въ то время, какъ всѣ другія формировавшіяся политическія партіи дѣйствовали, устранившись добровольно изъ числа партій, боровшихся на выборахъ, которыми интересовалась вся страна, бойкотисты, естественно, все дальше и дальше уходили отъ реальной жизни. И жизнь, въ свою очередь, постепенно уходила отъ нихъ. Кто интересовался въ это время собраніями и „дискуссіями“ подполья, тотъ могъ прослѣдить любопытный процессъ: тактика бойкота, которая вначалѣ была принята, какъ форма— чрезвычайно своеобразная — участія въ избирательной кампаніи, естественно — силою вещей—все больше отъ нея отдалялась. Каждое политическое дѣйствіе тѣмъ и важно, что оно является исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда другихъ политическихъ дѣйствій. Отказавшись отъ участія въ выборахъ, бойкотисты остались въ сто-

ронѣ отъ всего того политическаго процесса, который завязывался на почвѣ выборовъ. И съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ этого процесса бойкотисты оказывались все дальше отъ того потока, по которому протекала главная струя политической жизни страны.

Единственная партія, которая на всемъ лѣвомъ флангѣ могла будить, разъяснять и углублять классовое самосознаніе, осталась въ сторонѣ. Кадеты могли свободно развернуть свое знамя, подъ которое они звали одинаково представителей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ. Революціонные бойкотисты оказались, такимъ образомъ, самыми дѣятельными помощниками кадетовъ — не своей „критикой", какъ заявляетъ Тулякъ въ „Вѣстникѣ Жизни", а анархистской позиціей воздержанія.

Не менѣе дѣятельнымъ помощникомъ кадетовъ явился „Союзъ 17-го октября". Если кадетскую партію принять за основу нашей будущей радикальной партіи, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между нею и крайними правыми элементами, не пользующимися рѣшительно никакимъ вліяніемъ въ странѣ, есть мѣсто—и довольно значительное—для теченія, которое въ европейскихъ парламентахъ принято называть то правымъ центромъ, то націоналъ-либералами, то оппортунистами (новѣйшей, мелиновской, формаціи). Г. Шиповъ явился вѣрнымъ выразителемъ этого теченія, которое, несомнѣнно, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, завоюетъ себѣ вліяніе въ странѣ. Умѣренный, но болѣе или менѣе прочно установленный конституціонализмъ, большая постепенность въ проведеніи соціальныхъ и аграрныхъ реформъ съ соблюденіемъ интересовъ крупнаго капитала и крупнаго землевладѣнія, контроль надъ государственнымъ хозяйствомъ,— вотъ программа г. Шипова, который хотѣлъ искренняго осуществленія началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17-го октября, и который могъ сгруппировать

довольно многочисленную партію вокругъ такой программы. Если бы во главѣ нашего правительства стояли люди хоть съ нѣкоторой крупицей здраваго смысла, они бы въ созданіи такой партіи искали себѣ опоры, на ней построили бы программу своей дѣятельности. Извѣстно, что вышло въ дѣйствительности. Возвѣстивъ, подъ давленіемъ временно торжествовавшей революціи, начала 17-го октября, правительство направило всѣ свои усилія къ тому, чтобы превратить ихъ въ фикцію. Искусственно вызвавъ цѣлымъ рядомъ провокаціонныхъ дѣйствій „вооруженное возстаніе", оно создало временное замѣшательство въ рядахъ крупной и средней буржуазіи. Союзъ 17-го октября и торгово-промышленная партія смѣшались съ явными реакціонерами. Но страхъ предъ вооруженнымъ возстаніемъ скоро разсѣялся, а военно-полицейскій произволъ, равнаго которому даже въ Россіи не видѣли, и спѣшно составлявшіеся „законодательные" акты, явно стремившіеся отнять у страны то, что возвѣщено было 17-го октября—стояли предъ буржуазіей реальнымъ фактомъ. И значительная часть арміи, которая готова была наполнить ряды союза 17-го октября и торгово-промышленной партіи, голосовала на выборахъ за конституціоналистовъ-демократовъ.

Въ значительной степени воспользовались кадеты и плодами работы крестьянскаго союза, также высказавшагося на своемъ съѣздѣ за тактику бойкота, хотя крестьяне нигдѣ ея не примѣняли. Возлагая такія огромныя надежды на „мужицкую Россію", правительство повело столь умную политику, что всѣхъ хоть маломальски сознательныхъ крестьянъ оно поставило прямо въ необходимость идти въ избирательной кампаніи рука объ руку съ кадетами. За исключеніемъ нѣсколькихъ губерній, гдѣ имъ удалось провести почти сплошь своихъ собственныхъ кандидатовъ, они, предоставленные самимъ себѣ, не поддержанные своимъ союзомъ.

должны были входить въ соглашеніе съ кандидатами „народной свободы“, разъ они не хотѣли голосовать за крупныхъ помѣщиковъ, открыто выставлявшихъ программу требованій для одного своего класса. Правительство не сумѣло даже въ минимальной степени использовать огромный историческій фактъ, который оно при нѣкоторой ловкости несомнѣнно могло бы использовать,—фактъ глубокой обособленности крестьянства отъ болѣе или менѣе демократически настроенной интеллигенціи.

И всѣми этими ошибками — бойкотировавшихъ выборы соціалдемократовъ и другихъ крайнихъ лѣвыхъ партій, центра и правительства — неизбѣжно должна была воспользоваться та единственная партія, которая открыто выставляла знамя требованій демократическихъ свободъ, знамя хоть какой ни на есть реальной, активной борьбы съ душившимъ всѣхъ произволомъ. И подъ это знамя стали стекаться со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ угловъ измученной страны, изъ различныхъ слоевъ населенія всѣ тѣ, кто прежде всего хотѣлъ разсѣять надвинувшійся на изстрадавшуюся родину кровавый кошмаръ и добиться хоть нѣкоторой свободы. Нужды нѣтъ, что знамя это однимъ казалось слишкомъ блѣднымъ и безцвѣтнымъ, а другихъ оно временами пугало излишней яркостью. Жизнь, реальная жизнь, которая слишкомъ тяжело давала себя чувствовать, требовала, чтобы сейчасъ былъ нанесенъ хоть какой-нибудь ударъ зазнавшейся и зарвавшейся реакціи. „Геніальный“ графъ можетъ теперь пожинать плоды своей поразительной по тупоумію политики. Давъ хотя бы нѣкоторую свободу для избирательной кампаніи, расширивъ хотя бы въ нѣкоторой степени избирательный корпусъ, онъ создалъ бы почву, на которой неминуемо столкнулись бы различные общественные классы, съ ихъ разнообразными, часто противоположными требованіями и

программами, и страна, политически мало воспитанная, еще не успѣвъ столковаться, послала бы въ думу рядъ партій и группъ, среди которыхъ умѣренный центръ занималъ бы не послѣднее мѣсто. Теперь, если не считать бойкотистовъ, которые уже начинаютъ понимать всю глубину совершенной ими ошибки, правительство имѣетъ передъ собою страну, почти столь же объединенную—объединенную ненавистью къ существующему режиму — какъ въ октябрьскіе дни.

Да, блестящую побѣду одержали конституціоналисты-демократы. Но можемъ ли мы назвать эту побѣду побѣдой партіи въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова? Ни въ какомъ случаѣ. И мы это говоримъ не потому, что мы противники кадетовъ. Да, мы принципіальные, непримиримые противники кадетовъ, но, быть можетъ, не меньше, чѣмъ они сами, мы желали бы, чтобы у насъ создалась крѣпкая и вѣрная себѣ буржуазно-демократическая партія. Возникновеніе такой партіи оздоровило бы нашу политическую атмосферу, создавъ объективную почву, которая въ гораздо меньшей степени благопріятствовала бы совершеннымъ различными партіями ошибкамъ, которыми такъ богато было время, протекшее съ 17-го октября. Если бы у насъ была хоть сколько-нибудь организованная и рѣшительная буржуазная демократія, ни рабочіе и ихъ соціалдемократическіе вожди не ставили бы себѣ нѣкоторыхъ изъ выдвинутыхъ въ ноябрѣ и декабрѣ задачъ, ибо ихъ политика покоилась бы на болѣе реальномъ фундаментѣ болѣе выясненныхъ общественно-политическихъ отношеній, ни Дурново не дерзнулъ бы такъ открыто вступить на путь провокаціи и, затѣмъ, жестокихъ репрессій, потому что при первой же попыткѣ получилъ бы рѣшительный и объединенный отпоръ отъ рабочаго класса и буржуазной демократіи. Это

взаимоотношеніе между буржуазной и соціальной демократіей вполнѣ сознавалось значительной частью послѣдней въ періодъ до 17-го октября (формула „врозь идти, но *вмѣстѣ* бить“). Условія побѣды, одержанной въ октябрѣ, привели соціалдемократовъ къ переоцѣнкѣ и своихъ собственныхъ силъ, и силъ буржуазной демократіи, а это, въ свою очередь, привело къ тому, что въ ноябрѣ и, въ особенности, въ декабрѣ рабочій классъ оказался изолированнымъ и потерпѣлъ пораженіе. Теперь соціалдемократія должна вернуться къ построенію своей политики, по крайней мѣрѣ, вплоть до торжества демократическихъ началъ, на реальномъ фундаментѣ взаимоотношеній между буржуазной и соціальной демократіей. „Врозь идти, но вмѣстѣ бить“, т. е. организаціонно оставаться вполнѣ обособленными и самостоятельными, но выдвигать такіе боевые лозунги и прибѣгать къ такимъ пріемамъ борьбы, которые не изолировали бы рабочій классъ отъ общенаціональной борьбы съ одряхлѣвшимъ режимомъ,—вотъ основаніе, которое одно только можетъ обезпечить плодотворность борьбы на весь тотъ періодъ, пока не будутъ осуществлены демократическія свободы. Само собою разумѣется, что общіе методы дѣятельности могутъ и даже должны отличаться,—слишкомъ глубокая принципіальная пропасть отдѣляетъ эти два общественные класса,—но только одновременный натискъ обѣихъ этихъ силъ можетъ обезпечить полную побѣду. Если болѣе рѣшительная соціальная демократія „подталкиваетъ“ демократію буржуазную, вливаетъ въ нее „душу живу“, склоняетъ ее на болѣе энергичныя дѣйствія, удерживаетъ ее въ критическіе моменты отъ соблазняющихъ ее компромиссовъ, то самый фактъ существованія организованной буржуазной демократіи, въ свою очередь, удерживаетъ демократію соціальную отъ излишнихъ увлеченій, постоянно заставляя ее считаться съ реальными общественно-политическими отношеніями. И такое взаимо-

отношеніе между этими двумя общественными классами неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, соціальная демократія, достаточно окрѣпнувъ организаціонно, добившись благопріятныхъ условій для борьбы за свой конечный идеалъ, можетъ уже на свой страхъ и рискъ, однѣми собственными силами, ставить себѣ самостоятельныя задачи и одинъ идти къ ихъ осуществленію. Кто внимательно слѣдилъ за общественно-политической жизнью въ Бельгіи, Франціи и Италіи въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, тотъ знаетъ, какъ гибельно отражалось въ критическіе моменты отсутствіе сильной и организованной буржуазной демократіи на интересахъ всей демократіи, въ томъ числѣ и соціальной *).

Изъ этихъ краткихъ и бѣглыхъ замѣчаній видно, какое важное значеніе мы придаемъ созданію у насъ организованной буржуазно-демократической партіи. Слѣдовательно, когда мы констатируемъ, что избирательная побѣда кадетовъ не есть побѣда опредѣленной политической партіи въ собственномъ смыслѣ слова, мы дѣлаемъ это не изъ нежеланія открыто признать успѣхъ противниковъ, а для того, чтобы вѣрно оцѣ-

---

*) Разумѣется, такое взаимоотношеніе становится невозможнымъ тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, существуетъ сильная, организованная соціальная демократія, въ значительной степени поглотившая и переварившая въ котлѣ классового самосознанія буржуазно-демократическіе элементы. Да и вообще, въ виду успѣшнаго стремленія со стороны соціалдемократіи поглощать буржуазно-демократическіе элементы, послѣдніе фактически не могутъ доразвиться до той идеальной степени, которую мы намѣтили выше. Западно-европейскій опытъ не даетъ намъ, по крайней мѣрѣ, ни одного примѣра развитой въ такой идеальной степени буржуазной демократіи. Но у насъ, въ Россіи, въ теченіе еще продолжительнаго времени будутъ оставаться много, численные буржуазно-демократическіе элементы которыхъ соціалдемократія не въ состояніи будетъ поглотить и которые могутъ существовать въ качествѣ самостоятельной политической партіи.

нить данное политическое положеніе и на этой реальной основѣ построить соотвѣтствующій планъ дѣйствій, соотвѣтствующую политику.

Уже самыя, набросанныя выше, условія побѣды кадетовъ въ значительной степени выясняютъ ея характеръ. Рабочій, иногда сознательный соціалдемократъ, иногда стоящій на пути къ соціалдемократіи, во всякомъ случаѣ стремящійся къ широкимъ соціальнымъ реформамъ; крестьянинъ, требующій отчужденія помѣщичьихъ земель и перехода ихъ, въ той или другой формѣ, въ его руки, но доразвившійся до сознанія, что безъ политическихъ „правовъ" ему земли не добиться; разночинецъ-интеллигентъ, то народникъ, то соціалистъ, часто крайне демократически настроенный, ни въ какомъ случаѣ не могущій мириться съ режимомъ произвола и репрессій; націоналистъ, къ какимъ бы различнымъ общественнымъ классамъ онъ ни принадлежалъ, понимающій, что только торжество демократическихъ началъ освободитъ его отъ давящаго его гнета; мелкій торговецъ и буржуа, который понялъ, что свобода выгодна для торговаго класса, и думаетъ, что она дастъ ему возможность измѣнить къ своей выгодѣ экономическую политику государства, которая, впрочемъ, часто только въ теоріи, считается лишь съ интересами крупной буржуазіи; крупный буржуа, достаточно развитой, чтобы понимать, что свобода дастъ небывалый толчекъ расцвѣту нашей промышленности; земецъ-помѣщикъ, достаточно разумный, чтобы видѣть, что глупая политика правительства неизбѣжно ведетъ къ кровавой катастрофѣ и что лишь „разумное" рѣшеніе аграрнаго вопроса можетъ спасти помѣщичій классъ; буржуазные идеологи всѣхъ ранговъ и классовъ, стремящіеся къ свободѣ, — вотъ та пестрая, разношерстная армія, которая обезпечила своими вотумами побѣду кадетовъ. Не нужно, конечно, быть пророкомъ, чтобы предсказать, что постановка любого

пункта кадетской „программы“ на конкретную почву послужитъ сигналомъ къ расчлененію этой разношерстной арміи. Сами кадеты совершили бы огромную, прямо роковую для своей партіи ошибку, еслибы стремились сохранить въ своихъ рядахъ весь этотъ случайный „блокъ“, сплотившійся лишь на почвѣ протеста и общей ненависти къ существующему режиму. Такая зыбкая почва можетъ еще удержать случайную коалицію, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить фундаментомъ для какого-нибудь партійнаго строительства. Только Струве, этотъ мятущійся диллетантъ въ политикѣ, можетъ думать, что къ рабочимъ можно обращаться съ фарисейской формулой: „либерализмъ охватываетъ соціализмъ, какъ частность“. Реальная политика завтра же, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, будетъ властно требовать „отвѣтовъ прямыхъ“ на „проклятые вопросы“. И на почвѣ именно этихъ „проклятыхъ вопросовъ“ и „прямыхъ отвѣтовъ“ пойдетъ у насъ настоящее партійное строительство.

Противъ „16-го мая“ и послѣднихъ попытокъ реакціонно-монархическаго coup d' État во Франціи пошли тѣсно-сплоченной арміей всѣ республиканцы. На слѣдующій же день послѣ побѣды, эта армія раскололась на нѣсколько частей, и прошло двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ можно было говорить во Франціи о появленіи настоящей радикально-демократической партіи, которая, въ сущности говоря, только теперь кладетъ основаніе своей организаціи.

Но если коалиція, одержавшая побѣду во Франціи въ концѣ 70-хъ годовъ, не представляла собою опредѣленной партіи, то она являлась коалиціей республиканской демократіи (самыхъ различныхъ оттѣнковъ и классовыхъ стремленій), коалиціей, сумѣвшей обезпечить пораженіе реакціи. Если наши кадеты не представляютъ собою опредѣленной общественно-политической партіи, то они являются коалиціей буржуазной

демократіи разныхъ оттѣнковъ и классовыхъ стремленій, коалиціей, которая можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, сыграть крупную роль въ ликвидаціи стараго режима и начальномъ построеніи новаго.

И именно какъ побѣду слагающейся демократіи надъ старымъ режимомъ мы регистрируемъ побѣду кадетовъ. Мы видимъ въ этой побѣдѣ новое проявленіе нарожденія у насъ демократіи, которая изъ избирательной кампаніи выходитъ усилившейся, а, стало быть, и болѣе увѣренной въ себѣ, быть можетъ — болѣе способной къ рѣшительной борьбѣ за свободу.

Кто знакомъ съ исторіей буржуазной демократической партіи въ Европѣ, тотъ знаетъ, что ея революціонность и рѣшительность въ дѣйствіяхъ всегда зависѣла отъ того, „подталкивали“ ли, поддерживали-ли ее слѣва народныя массы, главнымъ образомъ—рабочій классъ. „Подталкиваніе“ и поддержка выражались преимущественно въ критикѣ половинчатости и нерѣшительности ея политики, но не въ словесной критикѣ, а въ противопоставленіи одной тактики другой тактикѣ, однихъ политическихъ дѣйствій другимъ политическимъ дѣйствіямъ. Словесная критика, которая не воплощается въ дѣйствіяхъ, превращается въ простую болѣе или менѣе сентиментальную фразеологію, лишенную всякаго практическаго значенія. Между тѣмъ какъ критика, которая воплощается въ политическихъ дѣйствіяхъ, даетъ въ результатѣ новыя группировки общественныхъ силъ, оказывающія свое вліяніе на весь ходъ общественно-политической борьбы.

На языкѣ практической политики это можно выразить слѣдующимъ образомъ. Буржуазная демократія, какъ политическая партія, сама по себѣ безсильна въ борьбѣ со старымъ режимомъ. Дѣйствительную силу свою она черпаетъ въ поддержкѣ народныхъ массъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса. Когда эти массы

овершенно не организованы, онѣ идутъ въ буксирѣ буржуазно-демократической партіи, являясь въ ея рукахъ слѣпымъ орудіемъ. Когда же въ ихъ рядахъ появляется организованная сила, своя самостоятельная политическая партія, послѣдняя, противопоставляя буржуазной демократіи свою программу, свою тактику, свои дѣйствія, привлекаетъ къ себѣ народныя массы. Буржуазная демократическая партія тогда вынуждена идти на встрѣчу ясно выраженнымъ требованіямъ народныхъ массъ, расширять свою программу, чтобы не утерять вліянія на нихъ, приспособлять къ нимъ свои дѣйствія, въ то же время черпая въ силѣ и рѣшительности народныхъ массъ новыя силы для борьбы. Нѣтъ такого именно подталкиванія и поддержки слѣва — буржуазно-демократическая партія теряетъ увѣренность и вступаетъ на скользкій путь компромиссовъ со старымъ режимомъ; имѣется въ наличности подталкиваніе и поддержка—и буржуазно-демократическая партія становится воинственной и рѣшительной.

Ясно, слѣдовательно, что для того, чтобы критика буржуазно-демократической политики имѣла практическое значеніе, она ни въ какомъ случаѣ не должна быть только теоретической, а должна состоять въ противопоставленіи однихъ политическихъ программъ и дѣйствій другимъ программамъ и дѣйствіямъ.

Почему анархисты не имѣютъ никакого успѣха? Критикуютъ, вѣдь, они много, страстно, горячо не только буржуазную, но и соціальную демократію. Только потому, что ихъ критика не увѣнчивается предложеніемъ такихъ политическихъ дѣйствій, на почвѣ которыхъ они могли бы организовать народныя массы. Критика ихъ можетъ имѣть колоссальный успѣхъ, но такъ какъ никакихъ практическихъ дѣйствій она не предлагаетъ, то никакого практическаго результата она не даетъ. Критикъ критикуетъ, а читатель или слушатель почитываетъ или послушиваетъ. Тѣ же анархисты имѣли,

однако, довольно значительный успѣхъ, когда они, даже въ противорѣчіи со своей программой, приступили къ организаціи рабочихъ синдикатовъ, среди которыхъ стали проповѣдывать теорію „action directe“ и всеобщей стачки. Практическій результатъ не замедлилъ сказаться. Кто слѣдилъ за развитіемъ воззрѣній международной соціалдемократіи на всеобщую стачку, тотъ не станетъ отрицать, что, при всей своей теоретической несостоятельности, анархисты сыграли нѣкоторую роль въ измѣненіи отношенія соціалдемократіи къ теоріи и практикѣ всеобщей стачки.

Все это, конечно, для соціалдемократа азбучныя истины. Но если это такъ, то въ чемъ должна выразиться соціалдемократическая „критика“ кадетской партіи въ думѣ, какова должна быть тактика соціалдемократіи по отношенію къ самой думѣ?

Въ № 1 „Вѣстника Жизни“ Тулякъ, возражая Плеханову, говоритъ: „Поэтому мнѣ кажется, что—по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ—соціалдемократы поступили совершенно правильно, *поддерживая* (курсивъ автора) гг. кадетовъ рѣзкой критикой ихъ политическихъ иллюзій“ *). Посмотримъ же, какой результатъ могла бы дать такая „поддержка“ кадетовъ въ думѣ.

Мы видѣли выше, что подъ флагомъ кадетовъ избраны были въ думу самые разнородные элементы—начиная съ такихъ, которые при болѣе нормальныхъ условіяхъ должны бы были остаться въ рядахъ Союза 17-го октября, и кончая рабочими и такими интеллигентами, которые, не будь принята тактика бойкота, быть можетъ, пошли бы рука объ руку съ соціалдемократіей и другими лѣвыми партіями. И вотъ, если соціалдемократія и другія партіи крайней лѣвой ограничатся по отношенію къ кадетамъ ролью безпощаднаго и рѣзкаго критика на словахъ, сами въ то же

*) *Прим.* См. „Реальная“ политика и „Утопизмъ“, стр. 28.

время „подготовляя“ въ подпольѣ болѣе или менѣе проблематическія рѣшительныя дѣйствія въ болѣе или менѣе туманномъ будущемъ, то заранѣе, нисколько не рискуя ошибиться, можно сказать, что кадеты, въ лучшемъ случаѣ, окажутся способными на совершенно безсильную демонстрацію, которую правительство безъ малѣйшаго труда задавитъ, а въ худшемъ, гораздо болѣе вѣроятномъ, случаѣ войдутъ въ соглашеніе съ правительствомъ, даже рискуя лишиться при этомъ нѣкоторыхъ элементовъ на своемъ лѣвомъ флангѣ. Окрѣпшее правительство, добившись, наконецъ, расчлененія „оппозиціи“ цѣною небольшихъ уступокъ, на довольно продолжительное время отсрочитъ торжество демократическихъ началъ. Тулякъ будетъ метать громы и молніи противъ кадетовъ, клеймя измѣнницею и предательницею партію, которая, несмотря на столь дѣятельную „поддержку“ въ видѣ безпощадной и рѣзкой критики... со стороны, такъ позорно предала дѣло народной свободы. Но всѣ его филиппики, какъ бы основательны онѣ ни были, будутъ тогда имѣть значеніе простыхъ ламентацій, лишенныхъ всякаго практическаго смысла фразъ. Онъ обязанъ былъ, какъ политикъ, предвидѣть подобный результатъ и, считаясь съ этимъ, такъ построить свою политику, чтобы изолировать правительство, а не оказаться изолированнымъ самому.

Приметъ ли социалдемократія подобную позицію? Несмотря на всѣ ошибки, совершенныя лѣвыми партіями, въ томъ числѣ и социалдемократіей, въ послѣдніе мѣсяцы, трудно, прямо невозможно допустить, чтобы въ рядахъ социалдемократіи восторжествовала такая самоубійственная политика.

На какихъ бы основаніяхъ ни была избрана наша первая дума, какъ бы вопіюще-возмутительна ни была примѣненная на нашихъ первыхъ законодательныхъ выборахъ избирательная система, какъ бы неправильно ни было имѣющееся на лицо „народное“ представительство,

какія бы вопіющія нарушенія самимъ правительствомъ введенной избирательной системы ни были допущены администраціей,—именно въ думѣ и около думы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, будетъ центръ борьбы рвущейся къ свободѣ новой Россіи со старымъ режимомъ. Отказъ отъ участія именно въ этой борьбѣ, за которой будутъ слѣдить, которою будутъ интересоваться всѣ, кто такъ или иначе пробудился уже къ сознательной жизни въ Россіи, такой отказъ былъ бы, собственно говоря, отказомъ отъ того, что составляетъ наиболѣе жизненную задачу, raison d'être соціалдемократіи въ данный историческій моментъ.

Какъ партія, которая до сихъ поръ больше всѣхъ другихъ боролась за достиженіе политической свободы, которая всегда стремилась использовать малѣйшую легальную возможность, чтобы давленіемъ массъ раздвигать рамки легальности и дѣлать ее операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшей борьбы, партія, главнымъ методомъ дѣятельности которой было будить самосознаніе массъ путемъ вмѣшательства въ окружающую жизнь, въ ту общественную борьбу, которая въ данное время разыгрывается,—эта партія повернется спиною къ думѣ въ критическій моментъ борьбы со старымъ режимомъ только потому, что эта дума собрана не такъ, какъ она того требовала? Неужели же марксистамъ нужно напоминать, что поле и форма борьбы не ими выбираются, а даются исторіей, и что ихъ дѣло состоитъ именно въ томъ, чтобы пользоваться исторически-данными ситуаціями къ выгодѣ рабочаго класса, т. е. къ возможному улучшенію условій классовой борьбы, къ углубленію классового сомосознанія и организаціи массъ на почвѣ борьбы?

Но—говорятъ бойкотисты—принять выборы и думу, каковы они есть, значитъ сразу сузить размахъ движенія, принизить его къ уровню парламентской борьбы, убить стремленіе къ болѣе рѣшительнымъ дѣйстві

Вздоръ! Вѣдь, сказать это—значитъ отрицать самую сущность занятой всей международной соціалдемократіей позиціи по отношенію къ парламентаризму. Развѣ участіе въ парламентской жизни помѣшало бельгійскимъ соціалдемократамъ развить поразительное по интенсивности движеніе массъ въ нужные моменты? Напоминать-ли аналогичные факты изъ исторіи Италіи и, отчасти, Австріи? Нѣтъ, не только не мѣшало, но чрезвычайно сильно помогало. Борьба въ парламентѣ, которая отражала въ себѣ движеніе въ странѣ, въ свою очередь, укрѣпляла и обостряла внѣ-парламентское давленіе. Въ теченіе мѣсяцевъ это взаимоотношеніе двухъ силъ поднимало настроеніе борющихся классовъ, и массовое внѣпарламентское движеніе являлось естественнымъ результатомъ постепенно сгущавшейся общественной атмосферы. Вся страна знала, въ чемъ предметъ спора, знала, каковы методы борьбы, и на сторонѣ массоваго движенія было огромнѣйшее большинство тѣхъ элементовъ, на поддержку и сочувствіе которыхъ оно могло расчитывать.

Представляетъ ли хотя бы въ отдаленной степени столь благопріяную арену подполье, добровольно устранившееся отъ жизни, подготовляющее свои „рѣшительныя“ дѣйствія безъ связи съ той общественно-политической борьбой, которая интересуетъ страну, ставшими совершенно непригодными, при наличности публично дѣйствующихъ политическихъ партій, методами заговорщическихъ кружковъ?

Необходимо, слѣдовательно, принять думу, какъ фактъ, а предстоящую въ ней борьбу сдѣлать исходнымъ пунктомъ новой политической кампаніи. Необходимо направить всѣ усилія къ тому, чтобы оказать свое вліяніе на ходъ борьбы внутри парламента; необходимо фиксировать вниманіе широкихъ народныхъ массъ на этой борьбѣ, чтобы онѣ могли въ нужные моменты оказать свое давленіе извнѣ.

Подобная перемѣна позиціи, разумѣется, предполагаетъ необходимость легалигаціи соціалдемократической и другихъ „крайнихъ партій". Такая попытка встрѣтитъ препятствія со стороны правительства, которому какъ нельзя болѣе выгодно, чтобы соціалдемократія оставалась въ подпольѣ. Поэтому осуществить легализацію партіи можно будетъ лишь постепенно, частями, пользуясь благопріятными моментами, стараясь использовать всѣ легальныя возможности, чтобы массовымъ давленіемъ расширять рамки установленной легальности. Приспособляется, вѣдь, теперь соціалдемократическая печать,—будутъ постепенно приспособляться и всѣ другія проявленія соціалдемократической дѣятельности. Тѣмъ болѣе, что, какъ ни какъ, а это переходное время не долго будетъ длиться.,..

Какъ же могла бы выразиться дѣятельность соціалдемократіи въ думѣ и, въ связи съ этимъ, внѣ думы?

При чрезвычайной запутанности политическаго положенія невозможно, разумѣется, даже пытаться намѣтить конкретный планъ дѣятельности. Но можно и должно, думается, намѣтить основные принципы той тактики, которой крайнія лѣвыя партіи, въ томъ числѣ и соціалдемократія (предварительные подсчеты позволяютъ думать, что три группы крайней лѣвой—крестьянскій союзъ, с.-д. и с.-р.—будутъ вмѣстѣ насчитывать не меньше пятидесяти членовъ), должны придерживаться, въ случаѣ, если думѣ, вопреки ожиданіямъ, суждено просуществовать нѣкоторое время.

Намъ кажется, что для взаимнаго усиленія другъ друга и для возможнаго объединенія, хотя бы на первыхъ шагахъ парламентской дѣятельности, крайней демократіи, всѣ три группы крайней лѣвой должны, оставаясь вполнѣ самостоятельными, со своими различными программами и различными методами дѣятельности, создать такой аппаратъ (хотя бы постоянную делегацію этихъ группъ), который давалъ бы имъ возможность

согласовать, въ соотвѣтствующіе моменты, свои тактическіе шаги. *)

Такія соглашенія по опредѣленнымъ вопросамъ тактики облегчили бы возможность выполнить, внутри думы, двѣ, почти одинаковой важности для даннаго момента, задачи:

1) Оказывать постоянное давленіе на кадетовъ черезъ ихъ лѣвый флангъ, тѣмъ затрудняя возможность опасныхъ компромиссовъ между правительствомъ и кадетами, и привлекать рѣшительностью своей позиціи на свою сторону колеблющіеся элементы изъ „внѣпартійныхъ", преимущественно крестьянскихъ депутатовъ...

2) Направить всѣ усилія къ тому, чтобы конфликтъ, который правительство, встрѣтивъ нѣкоторое упорство со стороны кадетовъ, вѣроятно, во что бы то ни стало постарается вызвать, носилъ явный, несомнѣнный характеръ столкновенія между всей демократіей и старымъ режимомъ, и тѣмъ подготовить благопріятную почву для окончательнаго пораженія реакціи на будущихъ ли выборахъ или всякими другими средствами.

Могутъ возразить, что эти двѣ задачи какъ бы противорѣчатъ другъ другу. Если первая изъ нихъ рекомендуетъ противопоставлять свое міровоззрѣніе, свою программу, свою болѣе рѣшительную тактику колеблющимся и „половинчатымъ" кадетамъ, то вторая предполагаетъ желательность, по мѣрѣ возможности, считаться съ дѣйствіями кадетовъ, само собою разумѣется, до тѣхъ

---

*) Само собою разумѣется, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ предложеніемъ Прокоповича о созданіи блока между партіями крайней лѣвой. Блокъ предполагаетъ общее соглашеніе между договаривающимися партіями, компромиссъ на почвѣ программы и методовъ дѣятельности. Соціалдемократія на такой компромиссъ не можетъ согласиться; не согласятся на него, вѣроятно, и другія партіи крайней лѣвой. Мы предлагаемъ лишь чтобы лѣвыя партіи вступали между собою въ соглашенія по опредѣленнымъ поводамъ текущей борьбы каждый разъ, когда такое соглашеніе между ними будетъ необходимо въ интересахъ за демократическія начала. Постоянная делегація этихъ группъ вполнѣ достаточна для такой цѣли.

поръ, пока кадеты не измѣняютъ демократіи и не переходятъ avecarmes et bagages, за чечевичную похлебку, на сторону правительства Витте-Дурново.

Да, мы этого не отрицаемъ: нѣкоторое противорѣчіе есть. Но оно диктуется положеніемъ. До болѣе или менѣе полнаго торжества демократическихъ началъ крайнія лѣвыя партіи, въ томъ числѣ и соціалдемократія, должны будутъ, какъ мы выяснили выше, ставить себѣ такіе боевые лозунги и прибѣгать къ такимъ пріемамъ борьбы, которые ни въ какомъ случаѣ ихъ не изолировали бы.

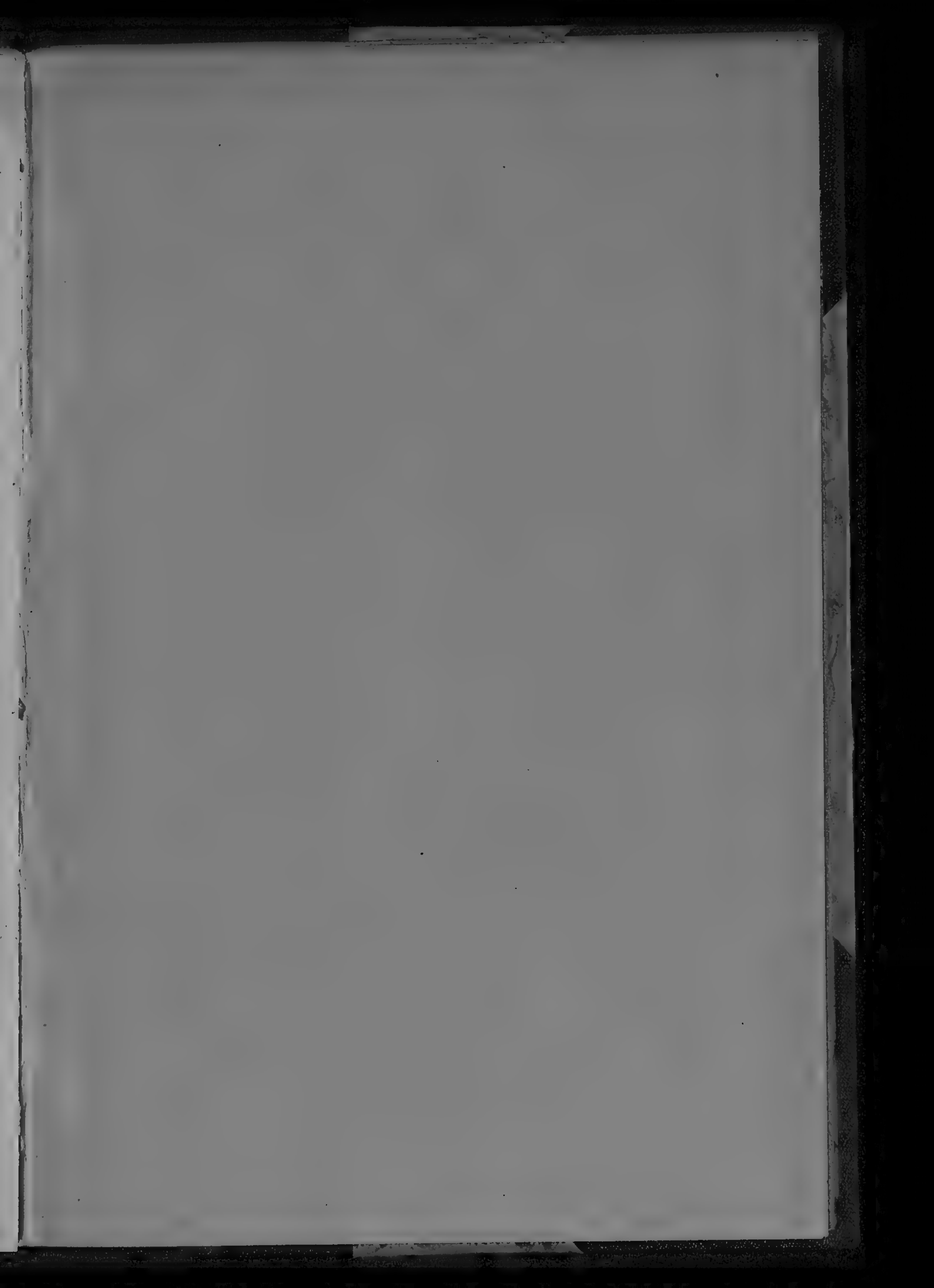
При данномъ соотношеніи силъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ шагахъ дѣятельности думы, необходимо во что бы то ни стало избѣгать такого положенія, при которомъ, вмѣсто конфликта между народнымъ представительствомъ (какъ бы неправильно, повторяемъ, оно ни было избрано) и реакціей, получился бы конфликтъ между крайней демократіей и либерально-демократическими кадетами. Болѣе существенной услуги, какъ такое перемѣщеніе центра тяжести борьбы, реакціи теперь оказать нельзя. Вотъ почему такой ситуаціи необходимо избѣгать всѣми силами. При нѣкоторой доброй волѣ эту задачу выполнить можно, нисколько не отказываясь отъ выполненія первой задачи: правительство со своею тупоумной реакціей—съ одной стороны, крайняя лѣвая своимъ постояннымъ давленіемъ на кадетовъ черезъ ихъ лѣвый флангъ—съ другой, заставятъ кадетовъ оставаться вѣрными хотя бы главнымъ пунктамъ своей политической программы, даже съ рискомъ утерять нѣкоторую часть сторонниковъ на своемъ правомъ флангѣ.

Но, разумѣется, самая раціональная тактика въ парламентѣ не будетъ имѣть никакого значенія, если народныя массы, ослѣпленныя пропагандою бойкотистовъ, останутся индифферентными къ тому, что будетъ происходить въ думѣ. Крайнія лѣвыя партіи и, главнымъ образомъ, соціалдемократія должны въ эту сторону направить всѣ свои усилія. Нужно, чтобы народныя массы,

которыя, какъ ни какъ, хотя бы и контрабанднымъ путемъ, хотя бы противъ партійныхъ лозунговъ, будутъ имѣть небольшую часть своихъ представителей въ думѣ, знали, что борьба въ думѣ идетъ на почвѣ такихъ вопросовъ, которые являются для нихъ жизненными вопросами. Нужно, чтобы онѣ изо-дня въ день слѣдили за тѣмъ, что тамъ происходитъ, обсуждали эти вопросы, голосовали соотвѣтствующія резолюціи и силою своей сознательности, силою своей рѣшительности оказывали постоянное, неослабѣвающее давленіе на думу. Нужно, чтобы депутаты въ думѣ чувствовали и сознавали это постоянное давленіе, которое однимъ будетъ внушать страхъ, другимъ будетъ служить поддержкой.

Необходимо, съ другой стороны, чтобы на почвѣ растущаго интереса къ общественно-политической жизни страны, растущаго самосознанія, растущей самодѣятельности рабочихъ массъ начала, наконецъ, слагаться настоящая рабочая соціалдемократическая партія. Профессіональные союзы, политическіе клубы, просвѣтительныя общества, рабочая печать—всѣ эти легальныя возможности и полувозможности необходимо использовать въ самой широкой мѣрѣ, чтобъ добиться, наконецъ, легализаціи рабочей партіи.

Необходимо, наконецъ, чтобы, до достиженія демократическихъ свободъ, слагающаяся рабочая партія ни въ какомъ случаѣ не прибѣгала къ такимъ дѣйствіямъ, которыя изолировали бы ее отъ общенаціональной борьбы за освобожденіе. Въ предѣлахъ четырехчленной формулы свободъ, которая, въ области демократическихъ свободъ, охватываетъ наиболѣе насущныя требованія рабочаго класса въ данный историческій моментъ, она можетъ и должна обезпечить себѣ умѣлой и рѣшительной политикой поддержку значительной части нарождающейся демократіи. А это самое важное. Она обезпечитъ себѣ тогда соотвѣтствующія условія для дальнѣйшей борьбы за свой идеалъ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Книгоиздательство „НОВЫЙ МІРЪ“.
С.-Петербургъ, Николаевская, 61.

